

# Глава 1

*Лист, с которого все начинаешь, увь, не чистый.*

Самолет пошел на снижение, и стюард легонько коснулся ее плеча.

Сначала Юла хотела покрепче зажмуриться, делая вид, что спит, чтобы ее не трогали, но поняла, что это было глупо. В их самолете никто не спал, потому что с бортом были какие-то неполадки, и уже больше часа они кружили над Шереметьево, выжигая керосин.

Про керосин ей рассказала соседка — не в меру говорливая мадам неопределенного возраста. Мадам паниковала, обмахивалась инструкцией по поведению в нештатных ситуациях и то и дело вызывала стюарда, чтобы задать один и тот же вопрос: точно ли мы не падаем, а если падаем, то почему так долго.

Юла поначалу смотрела в иллюминатор на огоньки, а потом сделала вид, что спит, лишь бы от нее отстали. Дама не преминула поинтересоваться, почему она так спокойна.

«Да потому что!» — хотелось заорать в ответ, но Юла только пожала плечами и ответила:

— Ну разобьемся, и что с того?

В ответ услышала целую лекцию о том, что она такая молоденькая и красивая, но такая еще дурочка.

Последнее слово заставило скрипнуть зубами.

— Юленька, ты еще такая дурочка, — с мерзкой добренькой улыбочкой то и дело повторяла ее новоиспеченная мачеха.

Смешно сказать, Юле вот-вот должно было исполниться девятнадцать, а ее «новой маме» было двадцать три.

И из них двоих именно она считалась «еще такой дурочкой». И ведь не только сама «мамочка» так считала, но и отец.

Юла достала из сумочки телефон и, включив камеру, направила ее на иллюминатор. Соседка, к счастью, от нее отстала, переключившись на проходившего мимо стюарда.

Боялась ли Юла разбиться? Да ей было, признаться, все равно. В голове, конечно, всплыли мысли об отце, который, может быть, хоть в этом случае что-нибудь бы понял, а потом там прозвучал бабушкин голос: «Юленька, девочка моя, твой отец прекрасно все понимает. Просто наличие штанов и буковок “муж.” в паспорте, увы, не делает человека мужчиной».

Юла невольно улыбнулась. По бабуле она соскучилась до смерти. Предстоящая встреча была единственным, что радовало ее в необходимости возвращаться в Москву. Юла не хотела возвращаться туда, где ей было плохо. Вот только в солнечной Калифорнии было точно так же, как и в холодной Москве, потому что, как любила повторять бабуля, «куда бы ты ни ехал, везде берешь с собой себя».

— У тебя камера выключилась, — неожиданно сказала соседка.

«Да тебе-то какое дело?»

— Не горит там, нет? Посмотри.

— Уже догорело, — хмуро ответила Юла и сунула телефон в карман.

«Дамы и господа, наш самолет прибывает...»

— Прибывает, — зачем-то повторила она себе под нос и, снова вытащив телефон, отключила режим полета.

По салону волной прокатилось многозвучие оповещений. На телефоны сыпались тревожные вопросы о задержке, поздравления с прибытием... Она посмотрела на свой экран: системное уведомление от сотового оператора — и ничего.

Открыв чат с отцом, Юла набрала: «Приземлилась». Потом стерла написанное и спрятала телефон. Соседка вскочила и принялась суесться, требуя от стюарда достать

багаж. Избавиться от нее после девятнадцати часов полета будет, пожалуй, радостным событием.

Второе радостное событие ждало Юлу на паспортном контроле. Телефон в кармане зазвонил.

— Юль, ты уже приземлилась?

— Да, мам, — ответила Юла, нетерпеливо притопывая.

Перед ней в очереди было целых шесть человек.

— Ну а что не звонишь? Мы ж волнуемся.

— Как раз собиралась, — соврала она.

— Ну слава богу, что все благополучно. Мы тебя ждем к себе. Слышишь?

— Ага.

В трубке раздались звонкие чмоки, и связь оборвалась.

Несколько секунд Юла смотрела на экран телефона. Московскую симку она оставила бабушке, а сам аппарат забрала с собой. Заставка на нем за последние полгода несколько раз менялась: от котиков до панорамы океанского побережья, но рано или поздно все равно возвращалась к черно-белой фотографии: московский тротуар и лужа в форме кляксы, края которой касается носок кеда. Волков не позировал, нет — просто стоял и о чем-то говорил с Мокровой в тот момент, когда Юла сфотографировала лужу. Кед оказался в кадре случайно. Как и все, что делал Волков.

Юла открыла переписку с бабушкой.

«Ба, я в Москве».

Сообщение было прочитано тут же, а спустя полминуты прилетело голосовое: «Девочка моя, с возвращением. Как получишь багаж — звони».

— Ну ба-а-а, — протянула Юла, как будто бабушка могла слышать. — Ну зачем?

Но улыбка сама собой появилась на лице и так и не сходила до того момента, пока она не получила багаж и не прошла через зеленый коридор.

Конечно, бабушка была там: стояла в элегантной шляпке и ярко-желтом пальто. И была такой родной, что у Юлы защипало в носу.

Бабушка была главной причиной ее возвращения в Москву. Потому что, если в мире есть человек, которому ты нужен, ради него стоит приезжать в нелюбимый город. Город вообще не важен.

— Быть такой загорелой в апреле просто неприлично, — с притворной строгостью сказала бабушка, раскрывая объятия.

— Быть такой яркой — тоже, — улыбнулась в ответ Юла и обняла бабулю.

И вот эта минута определенно стоила девятнадцатичасового перелета.

— Отцу написала? — как бы невзначай спросила бабушка.

— Не-а, — пожала плечами Юла и улыбнулась шире, когда поняла, что воспитывать ее не будут.

— Сначала ресторан или домой?

— Ресторан, ба. Всегда сначала ресторан. Здравствуйте, Петр Сергеевич!

— Здравствуйте, Юля. С возвращением!

Водитель приветливо улыбнулся и, забрав у нее два тяжелых чемодана, покотил их к выходу.

— Петр, мы в ресторан!

— Услышал, Жанна Эдуардовна.

— Соскучилась по Москве? — спросила бабушка, беря Юлу под руку и степенно ведя к выходу.

— Не-а, — честно ответила девушка, стараясь смотреть исключительно в спину Петра Сергеевича, чтобы не видеть чужих липких взглядов.

«Все дело в бабушкином ярко-желтом пальто. Это оно привлекает такое внимание. Все дело в пальто!» — повторяла про себя Юла, но мантра помогала плохо. И зачем она только сюда вернулась?

Стоило им войти в бабушкин любимый ресторан на Тверской, как там тут же началась степенная суэта. По-другому охарактеризовать происходящее было невозможно. Разумеется, поздороваться с бабулей вышел сам

хозяин. Разумеется, она справилась о том, как дела у его супруги, и передала привет шеф-повару. Разумеется, когда девушка-метрдотель приняла ее желтое пальто, бабушка сказала: «Ах, милочка, какой у вас прелестный цвет волос». Через несколько минут оказалось, что у гардероба собрались метрдотель, хозяин ресторана, выглянувший поздороваться шеф-повар и пара не занятых работой официантов. Звучали приветствия, улыбки, сетования на то, что такая дорогая гостья в последнее время заходит уже не так часто... Вся эта суета, достигая бабули, будто замедлялась, растягивалась во времени, и центром всего становилась она — блистательная Жанна Шилова. Да, она не выходила на сцену уже много лет, но жила так, будто свет рампы везде ее сопровождал.

За столиком бабушка расположилась с идеально прямой спиной и, обведя ресторан царственным взглядом, открыла меню, которое помнила наизусть. Юла всю жизнь мечтала быть похожей на нее: такой же независимой, сильной, знающей ответы на все вопросы, той, кому никто никогда не сможет сделать больно — просто не осмелится.

— Что ты будешь есть, девочка моя?

Юла сглотнула ком в горле. «Девочка моя». Так называла ее только бабушка. Мама звала просто Юлей, а папа когда-то — Юлой.

— Юла ты моя, что ж ты так вертишься? — говорил он маленькой дочке, когда еще обращал на нее внимание. И ей хотелось вертеться еще сильнее, потому что тогда он ловил ее и усаживал себе на колени.

Это «Юла» привязалось к ней и пошло по жизни: кто-то из подружек услышал, потом назвал раз, другой. И как-то вдруг получилось, что все вокруг стали звать ее Юлой. Все, кроме папы, который совсем забыл, что она любила вертеться и сидеть у него на коленях. Теперь он звал ее Юля, иногда Юлия. Безлико и так, будто они были чужими друг другу людьми. Это как Крестовского мама звала исключительно Роман. Юлу это обращение всегда коробило, а ему

было нормально. Он привык. Человек ко всему может привыкнуть. Даже к безразличию.

Мысль о Крестовском отозвалась тяжестью в желудке, потому что за ней потянулись воспоминания о последней встрече с ним. Свет фонарей, дождь и безобразная драка в одной из подворотен центра Москвы. За Юлу впервые кто-то дрался вот так: яростно и всерьез, но она была не в том состоянии, чтобы это оценить. Ее самой там просто не было.

— Девочка моя, что ты будешь?

В тоне бабушки послышались тревожные нотки. Совсем чуть-чуть. Жанна Эдуардовна умела виртуозно владеть голосом.

— Я... Давай цезарь с креветками и... кофе.

— Верочка, — обратилась бабушка к подошедшей официантке, — давайте-ка нам два ваших блюда дня от шеф-повара. Это мне и Петру, — отозвалась бабушка, увидев взгляд Юлы. — А барышне цезарь и кофе.

— Мне тоже фирменное блюдо, — невольно вырвалось у Юлы, которая вдруг поняла, что, кажется, хочет есть. Это было давно позабытое чувство.

— Тогда два здесь, а одно с собой, — улыбнулась бабуля, как будто только этого и ждала.

А ведь, скорее всего, она все это специально подстроила: привела внучку в ресторан, где они раньше частенько вместе обедали, заказала фирменные блюда, покладисто согласилась с тем, что Юла заказывает лишь салатик. Знала же, что, начни она настаивать, салатиком бы все и ограничилось, а то и вовсе одним кофе. Вот только рассердиться на бабулю совершенно не получалось, потому что очень сложно сердиться на того, кто тебя так искренне любит. И не задает вопросов. Ни одного. Хотя по глазам видны все эти: как ты, девочка моя? забыла ли о страшном? стерлось ли оно?

«Стерлось, ба. Конечно, стерлось». Как рисунок, сделанный на доске маркером... Несмываемым.

В ее комнате все было по-прежнему. Пахло ранним весенним солнцем и Москвой. У Москвы был свой запах. Юла только сейчас это поняла. В Сан-Диего пахло океаном, портом и раскаленным асфальтом. А Москва пахла дождем, листвой и выпечкой из многочисленных кафешек. Даже сейчас в приоткрытое окно долетал запах круассанов.

Юла опустила руку на кровать и провела рукой по покрывалу. На стоявшем напротив диване в художественном беспорядке расположились вышитые подушки и большой плюшевый заяц. Наверное, ровесник Юлы. Занавеска на окне трепетала точно так же, как ее сердце. Вернуться сюда было ошибкой. Как и уезжать отсюда. Вся ее жизнь была сплошной ошибкой. Сперва нелепой, а потом фатальной, когда она вопреки Ромкиному недовольству пошла на ту проклятую фотосессию. Впрочем, тогда все еще можно было изменить. В фатальную ошибку превратилась, когда Юла посчитала себя уязвленной и захотела отомстить Крестовскому.

От непрошенных воспоминаний она поежилась и, стремительно встав, захлопнула окно. Взгляд упал на фотографию в рамке. Здесь ей было лет четырнадцать-пятнадцать. Она улыбалась так, как будто от этого зависела ее жизнь. Как раз в тот период отец все реже бывал дома, мама все больше времени проводила с подругами и в фитнес-клубе, а Юла перебралась жить к бабуле. Да так и осталась здесь навсегда.

Телефон зазвонил. Мама на том конце щебетала привычно радостно.

— Юль, когда ты к нам приедешь? Мы тебя уже ждали.

— Мам, я только с самолета. Пока не знаю. Наверное... скоро.

Ехать в Питер к маме совершенно не хотелось, потому что... Да потому что нечего там было делать. Умиляться младшему братику? Юла скривилась. Нет, не то чтобы она не любила Матвейку. Впрочем, какого черта, да, она его

не любила. И не обязана была! Хватит того, что она тащи-  
ла ему подарок из Сан-Диего. Хотя вообще-то могла этого  
не делать.

К счастью, мама почувствовала ее настроение и свер-  
нула разговор. А может, ей просто срочно понадобилось  
к Матвейке. Матвейка же маленький. С ним же нужно всег-  
да быть рядом!

— Девочка моя... — раздалось за спиной, и Юла резко  
обернулась.

Бабушка стояла в дверях и смотрела так, что Юла сразу  
осознала всю глупость своей злости. Стоит здесь посреди  
комнаты, перекошенная от ярости, и сжимает телефон так,  
как будто мечтает его сломать, а все потому, что ее мама  
в это время с трехлетним сыном, которому она объективно  
нужнее.

— Она очень тебя ждала. — Бабуля будто прочитала ее  
мысли. — Мы с ней даже немного поспорили, в Москву  
тебе прилетать или в Питер, потому что каждая хотела тебя  
себе.

— Ты победила? — хрипло спросила Юла. Проклятые  
связки и криворукий хирург, который навечно превратил  
ее в сипящее чудовище.

— Девочка моя, — бабушка заговорила любимыми ин-  
тонациями Юлы, — опыт всегда побеждает. К тому же пе-  
ред бывшей невесткой у меня гораздо меньше моральных  
обязательств, чем было бы, будь мы все еще одной семьей.  
Так что да, я победила.

Жанна Эдуардовна вошла в комнату и крепко обняла  
внучку. Запах любимых духов окутал Юлу, убаюкал, вернул  
в тот период, когда она только-только перебралась сюда  
жить. В ее детстве бабушки почти не было рядом, потому  
что сцена долго не отпускала свою приму. Зато позже они  
наверстывали каждую упущенную минуту: театры, концер-  
ты, выставки, болтовня по полночи.

— Я рада, что ты победила, — улынулась Юла.

— Но к матери съездить все равно придется.

— Не хочу. Там Матвейка. — Имя брата прозвучало так ревниво, что Юле и самой стало противно.

— Который тоже очень тебя ждет и любит. И который уж точно не виноват, что семья твоих родителей распалась. Ему всего три.

— Знаю. Я подумаю, — пообещала Юла.

Вечером, лежа в своей постели без сна — к разнице во времени еще предстояло привыкнуть, — Юла просматривала бессмысленные ролики на телефоне. Она всецело отдалась этому занятию, потому что, если бы не оно, пришлось бы строить планы. А планов у нее не было. Ни одного. Был академический отпуск в универе, запас выписанных в Америке антидепрессантов, напутствие отца: «Если передумаешь, возвращайся» — и мерзкая ухмылочка ее «новой мамочки».

В ленте мелькнуло видео из Парижа.

«На Сакре-Кёр нужно смотреть издали», — как-то сказал ей Волков.

Юла сто раз была в Париже, но до Монмартра почему-то не добиралась, а знаменитый Сакре-Кёр видела только на картинках. Вот как сейчас.

«Большое видится на расстоянии?» — процитировала тогда Юла, а Волков, оторвавшись от телефона, посмотрел на нее так серьезно, как будто они говорили о чем-то очень важном. Он иногда так смотрел.

Юла закрыла очередной ролик и открыла список контактов. Полгода — это ведь целая жизнь. В чат с Волковым она заходить не стала. Вместо этого открыла чат с Крестовским. Там было непрочитанное сообщение. Сердце подскочило, словно для Юлы это все еще имело какое-то значение, словно не прошло полгода, не стерлись обида и злость.

*«Юль, нам очень нужно поговорить. Напиши, пожалуйста. Это важно!!! Знаю, что симка у твоей бабушки, но вдруг ты увидишь сообщение. Я хочу приехать к тебе. Всего-то двадцать часов и пара океанов ))) Пожалуйста!»*

— Восемнадцать, — сказала чату Юла. — И один океан. Крестовский никогда не писал таких длинных сообщений. А она никогда не говорила с чатом — всегда напрямую с самим Ромкой.

Полгода назад она могла позвонить ему в любое время дня и ночи, и он слушал, отвечал что-то хриплым со сна голосом. Иногда не попадал.

Полгода — это целая жизнь, и целую жизнь назад он был ее.

Юла несколько секунд смотрела на значок вызова, а потом решительно на него нажала.

Часы показывали без четверти три ночи.

## Глава 2

*Справедливости нет: за паденьем не следуют взлеты.*

— Да, Ань, уже бегу, уже купил.

LastGreen перепрыгнул через две ступеньки на выходе из магазина и едва на выронил телефон.

Аня боялась оставаться дома одна, а Потапа, который мог бы с ней посидеть, как назло, не было. Лена, конечно, предлагала привозить мелкую к ней в любое время, да и ее родня была не против, но LastGreen не мог себе представить, что он оставляет сестру на постоянной основе в коттеджном поселке, где коврик у дверей любого из домов стоял дороже его мопеда. Как бы ни относились к нему Лена и ее дядя с братом, LastGreen не был идиотом и понимал, как устроен мир. Ну и если уж на то пошло, то отвозить Аню к Лене он физически бы не смог: из его спального района до ее элитного коттеджа было минимум полтора часа езды. И это без учета постоянных пробок. Не оставлять же Аньку там насовсем.